

Отюцкий Геннадий Павлович, Щипунов Олег Константинович

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭТИКА КАК ПОНЯТИЕ И КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Термин "информационная этика" зачастую используется лишь в применении к современному обществу; нередко он отождествляется с компьютерной этикой. Другая крайность - отождествление информационной этики с этикой информационного общества в целом. В статье предлагается рассматривать информационную этику в качестве родового понятия, а компьютерную этику трактовать как один из ее видов, обусловленных конкретным технико-технологическим основанием информационно-обменных процессов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 1. С. 132-136. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **Огурцов А. П.** Тело // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. / под ред. В. С. Стёпина и др. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 28-29.
5. **Подорога В. А.** Тело-без-органов // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. / под ред. В. С. Стёпина и др. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 29-30.
6. **Подорога В. А.** Феноменология тела: введение в философскую антропологию: мат-лы лекционных курсов 1992-1994 гг. М.: Ad Marginem, 1995. 340 с.
7. **Фуко М.** Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.

PHYSICAL CULTURE AS A VALUE

Meleshko Elena Dmitrievna, Doctor in Philosophy, Professor
Afonskii Vladimir Igorevich, Ph. D. in Pedagogy
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
phileo@tspu.tula.ru

The article examines the notion of physical culture, its structure and main characteristics. Physical culture is defined as an integrative notion, a synthesis of physical and spiritual (physicality) through the personality's self-perfection. Value preferences among values representing activity towards the body perfection and the personality's moral qualities are highlighted.

Key words and phrases: physical culture; physicality; activity energies; integrity quality; values; perfection.

УДК 17.03

Философские науки

Термин «информационная этика» зачастую используется лишь в применении к современному обществу; нередко он отождествляется с компьютерной этикой. Другая крайность – отождествление информационной этики с этикой информационного общества в целом. В статье предлагается рассматривать информационную этику в качестве родового понятия, а компьютерную этику трактовать как один из ее видов, обусловленных конкретным технико-технологическим основанием информационно-обменных процессов.

Ключевые слова и фразы: этика; информационная этика; информация; компьютерная этика; коммуникация; компьютеризация; информатизирующееся общество.

Отюцкий Геннадий Павлович, д. филос. н., профессор

Щипунов Олег Константинович

Российский государственный социальный университет

otiuzkvi@mail.ru; explorer07@inbox.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭТИКА КАК ПОНЯТИЕ И КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Всевозрастающее применение информационных технологий в различных сферах общественной жизни неизбежно порождает спектр вопросов этического характера, например, об обеспечении безопасности информационных технологий, об этической оценке их реализации и последствий такой реализации. Неизбежно поэтому повышенное внимание исследователей к осмыслению этических аспектов современных информационно-обменных процессов.

К 1980-м гг. в западной социально-гуманитарной мысли формируются идеи информационной этики, вначале как ситуативного прикладного знания (формулируют профессиональные этические кодексы специалистов информационной сферы), затем – как научного направления, для обозначения которого используются термины: информационная этика, компьютерная этика, сетевая этика, интернет-этика, киберэтика, нетикет, виртуальная этика и др. Введение подобных терминов нередко носит стихийный характер, а достаточное методологическое обоснование отсутствует (подробнее см.: [4; 9; 11] и др.).

И в практике западного философствования, и в отечественных этических исследованиях шире всего используется понятие «информационная этика». Требуется *методологический анализ*, как самого этого понятия, так и социального явления, этим понятием обозначаемого.

Непосредственным стимулом к информационно-этическим исследованиям выступил активизирующийся процесс компьютеризации: в 1985 г. этические проблемы использования компьютеров обсуждались в учебнике «Компьютерная этика» исследовательницы Дж. Джонсон; в статье Д. Мура «Что такое компьютерная этика?» отмечалось, что «потенциал использования компьютерной технологии не ограничен», поэтому этические проблемы, порождаемые компьютерами, многочисленны и многообразны [14, p. 269].

Л. Флориди в работе «Информационная этика: О философских основаниях компьютерной этики» определяет ее задачу как стремление «оценить с моральной точки зрения любую информацию» и выделяет спектр ценностей информационной этики [13, p. 29]. В названии его книги сближены компьютерная

и информационная этики. И этот пример характерен, поскольку большинство западных исследователей связывает феномен информационной этики лишь с современным этапом развития общества. Так, директор Международного центра по проблемам информационной этики Р. Капурро утверждает: «Я отношу к понятию информационной этики в узком смысле все, что касается воздействия цифровых технологий на общество и на окружающую среду в целом... Понятие информационной этики в широком смысле охватывает всю информационную и коммуникационную сферу, включая, но не ограничиваясь ими, цифровые средства массовой информации» [4, с. 7]. С последним тезисом Р. Капурро можно было бы безоговорочно согласиться; однако, включая в состав информационно-коммуникационной сферы «цифровые средства», он ограничивает эту сферу лишь современным этапом развития социума.

Аналогичная ситуация складывается и в отечественной социально-этической мысли. И. А. Авдеева выдвигает идею «этики глобального коммуникативного пространства» и в связи с этим отмечает «соседство информационной и компьютерной этики» [1, с. 7]. Идеи такого «соседства» отражены в работах Е. В. Коваль (исследующего этос информационного общества) [6], И. Л. Галинской и А. И. Панченко [3], В. А. Курдиманова [8], О. М. Манжуевой [10; 11], О. А. Филиной [12], работы которых непосредственно посвящены проблемам информационной этики. О. М. Манжуева прямо выделяет «два раздела» информационной этики: компьютерную этику и киберэтику [10, с. 108].

Е. В. Коваль справедливо отмечает, что для современной эпохи «ключевым фактором является не только увеличение объема важной для общества информации, но и изменение отношения человека и общества к информации... В XXI в. вершину иерархии ценностей начинает занимать информация». И далее – важный вывод: «Итак, наличие новой среды обитания и функционирования человека порождает новую специфику в плоскости отношений “человек” – “человек” и принципиально иное отношение “человек” – “информационная технология”» [6, с. 133]. Обратим внимание на два момента из этой цитаты.

Первое: этические проблемы автор рассматривает в плоскости отношений «человек – человек».

Второе: он указывает на наличие «принципиально иного отношения» в системе «человек – информационная техника». Именно наличие такого принципиально иного отношения и порождает новые этические аспекты в отношениях «человек – человек». Остается сделать один шаг – выявить, от каких отношений «принципиально отличаются» новые этические отношения? Однако этого шага не сделано, но именно в направлении этого шага возникает и другой необходимый вопрос: существуют ли этические инварианты, в сравнении с которыми и характеризуются «принципиальные изменения»?

«Обобщение и осмысление базовых ценностей, присущих информационному обществу, являются актуальной задачей этики как науки, – подчеркивает Е. В. Коваль. – Информационную этику при этом надо рассматривать с двух точек зрения: как прикладную этику, т.е. область практических моральных проблем, возникающих при использовании информации, и как новую стадию развития этики на основе информации как базовой социокультурной ценности» [Там же, с. 138-139]. Е. В. Коваль совершенно прав, характеризуя информацию в качестве «базовой социокультурной ценности», но не прав, относя ее *только* к ценностям современного («информационного») общества. В действительности информация выступает в качестве «базовой социокультурной ценности» любого типа общества. Таким образом, «носится в воздухе» идея о том, что информационная этика должна изучать этические аспекты информационных отношений на всем протяжении человеческой истории, выявлять «этические инварианты» информационно-обменных процессов.

Очевидно, многие методологические ошибки и неточности, связанные с осмыслением информационной этики, связаны с некорректным осмыслением ключевых понятий – информация и информационное общество. И недобрую роль здесь сыграл японский исследователь Ю. Хаяши, которому приписывается авторство термина «информационное общество», поспешно и методологически необдуманно выпущенного в научный оборот. Сложилась ситуация, сходная с печальной судьбой термина «экология».

Вначале экология была сугубо биологической дисциплиной, но в середине XX в. с экологической точки зрения стало осмысливаться и человеческое общество. Это научное направление получило название «социальная экология», однако затем прилагательное пропало, и в широком сознании термин «экологический» автоматически стал соотноситься с лишь проблемами социума. Повсеместное и зачастую бездумное применение термина «информационное общество» также привело к тому, что не только обыденном, но и в научном сознании прилагательное «информационный» почти автоматически соотносится с понятием «информационное общество», трактуемым как *современное* общество. Тем самым также почти автоматически устанавливаются исторические рамки бытия тех явлений, которые сопровождаются определением «информационный», в том числе – информационной этики.

Понятие «информационное общество» фактически стало синонимом постиндустриального общества, и это подразумевало, что все предыдущие типы обществ следует считать неинформационными. Но общество – это система социальных отношений: экономических, политических, религиозных и др., а их неотъемлемой составляющей выступает информационный обмен. Поэтому *неинформационных обществ не может быть*. Неудовлетворенность традиционным пониманием информационного общества высказывал, в частности, М. Кастельс, предложивший термин «информационное общество» (от «информация» + «индустриальное»), акцентируя внимание на индустриальном характере производства информации в современном обществе [5, с. 42].

Ведущим технологическим основанием для информационно-обменных процессов ныне выступает процесс компьютеризации, поэтому целесообразен термин «информатизационное общество» (от «информация» + «компьютеризация»), который акцентирует внимание на развивающемся технологическом процессе *информатизации* современного социума.

Представленный методологический подход позволяет логически обоснованно и исторически адекватно выявить сущность информационной этики в соотношении с целым спектром близких по смыслу понятий: этика глобального коммуникативного пространства, компьютерная этика, сетевая этика, этика виртуальных коммуникаций, киберэтика, этика Интернет и др.

С точки зрения этого методологического подхода категория «*информационная этика*» выступает в качестве общего родового понятия для всех остальных терминов, связанных с осмыслением этических аспектов информационно-обменных процессов, характеризующих социальную коммуникацию. Поскольку такого рода процессы существуют в любом обществе, то рассматриваемое понятие характеризует универсальные черты *этоса информационного обмена* (как системы соответствующих этому процессу нравственных понятий и этических норм) на любом этапе социального развития. Видовые отличия проявляются в исторически конкретных информационных этиках. Что выступает критерием их классификации?

Большинство авторов указывает на компьютеризацию, становление сетей Интернет, формирование виртуальной реальности; иными словами, общим для всех исследователей информационной этики является указание на *технологический базис информационно-коммуникационных процессов*. Другое дело, что зачастую они ограничиваются указанием на *современный тип* технологического базиса и не решаются на следующий необходимый шаг – сравнительный анализ этапов развития технологических базисов социальной коммуникации. Но если этот методологический шаг сделан, то выявляется закономерность: каждому такому технологическому базису, который порожден конкретной информационно-коммуникационной революцией [7, с. 41-47] соответствует специфический тип информационного этоса.

В связи с историческим развитием информационных технологий можно говорить о последовательной смене типов информационного этоса, рассматриваемого в качестве социального феномена. (Отметим в скобках, что объективное существование информационной этики как социального феномена отнюдь не связано непосредственно с его рефлексией в рамках информационной этики как науки). Могут быть выделены следующие последовательно сменяющиеся друг друга типы информационных этосов: вербальный этос, этос письменности («скриптоэтос»), библиоэтос (связанный с появлением «Вселенной Гутенберга»), этос электронных коммуникаций. Информационно-компьютерная революция породила новый вид информационного этоса. Информационная этика, отражающая и исследующая именно этот исторический тип информационного этоса, может быть охарактеризована как «*информатизационная этика*», или этика информатизирующегося общества.

В свою очередь, каждый вид информационной этики, выделенный по критерию информационных технологий, представляет собой сложное, многоаспектное и разнородное образование. Так, в рамках информатизационной этики в зависимости от субъектов этических отношений и конкретных условий их проявления могут быть выделены: этика ИТ-профессионалов, этика «юзеров», «этика» хакеров, с одной стороны, а также этика сетевого общения, этика виртуальных сообществ, этика компьютерных игр, этика делового общения в компьютерных сетях и др. – с другой.

Выводы.

1. В большинстве исследований информационной этики этот термин зачастую используется для характеристики лишь современного этапа развития этических отношений.
2. Нередко информационная этика отождествляется с компьютерной этикой. Существует и другая крайность – отождествление информационной этики (характеризующей этические аспекты процессов социальной коммуникации) с этикой информационного общества в целом.
3. Методологически целесообразно рассматривать информационную этику как характеристику этико-нравственной стороны процессов информационного обмена на любом этапе общественного развития.
4. Могут быть выделены конкретные исторические типы информационных этосов, обусловленные доминирующими на данном историческом этапе информационными технологиями социальной коммуникации.
5. Информационная этика выступает родовым понятием, а компьютерная этика выступает в качестве одного из ее видов, обусловленных компьютеризацией информационно-обменных процессов.

Список литературы

1. **Авдеева И. А.** Информационная, компьютерная и прикладная этика как теоретические составляющие этики глобального коммуникативного пространства // Вестник ТГУ. 2014. Вып. 9 (137). С. 7-12.
2. **Авдеева И. А.** Универсалистские основания этики в глобальном коммуникативном пространстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 13-17.
3. **Галинская И. Л., Панченко А. И.** Компьютерная этика, информационная этика, киберэтика // Новые инфокоммуникационные технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: современное состояние, проблемы, перспективы развития: мат-лы Междунар. интернет-конф. (15.01-29.03.2002) / под общ. ред. А. Н. Кулика. М.: Логос, 2003. С. 112-132.
4. **Капулло Р.** Информационная этика // Информационное общество. 2010. Вып. 5. С. 6-15.
5. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Гос. ун-т. – Высшая школа экономики, 2000. 606 с.
6. **Коваль Е. В.** Этика информационного общества как современный этап развития этики // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 133-139.
7. **Колин К. К.** Фундаментальные основы информатики: социальная информатика. М.: Акад. проект, 2000. 349 с.
8. **Курдиманов В. А.** Феномен информации: философско-социологическое осмысление // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 3 (50). С. 40-48.

9. Малюк А. А., Полянская О. Ю., Алексева И. Ю. Этика в сфере информационных технологий. М.: Горячая Линия – Телеком, 2011. 346 с.
10. Манжуева О. М. Основные составляющие информационной этики // Мир современной науки. 2014. № 3 (25). С. 106-110.
11. Манжуева О. М. Практическая теория компьютерной этики Д. Мура // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. I. С. 132-134.
12. Филина О. А. Социальные, культурно-исторические и ценностные основания информационной этики // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2009. Вып. 9. № 10 (65). С. 232-238.
13. Floridi L. Information Ethics: Its Nature and Scope // Computers and Society. 2006. Vol. 36 (3). P. 21-36.
14. Moor J. What Is Computer Ethics? // Metaphilosophy. 1985. No. 16 (4). P. 266-275.

INFORMATION ETHICS AS A CONCEPT AND A SOCIAL PHENOMENON: METHODOLOGICAL ANALYSIS

Otyutskii Gennadii Pavlovich, Doctor in Philosophy, Professor
Shchipunov Oleg Konstantinovich
Russian State Social University
otiuzkyi@mail.ru; explorer07@inbox.ru

The term “information ethics” is often used only with respect to modern society; and sometimes it is identified with computer ethics. The other extreme is identification of information ethics with ethics of information society on the whole. In the article the authors suggest considering information ethics as a generic concept and interpreting computer ethics as one of its types conditioned by the concrete technical and technological basis of information and exchange processes.

Key words and phrases: ethics; information ethics; information; computer ethics; communication; computerization; informatizing society.

УДК 9.93/94; 9.908

Исторические науки и археология

В статье проанализированы картографические материалы в качестве исторических, историко-правовых и краеведческих источников. Рассматриваемые материалы классифицированы по типологическим признакам (источнику формирования и сфере применения). В качестве базы исследования использованы планы Тамбова и городов Тамбовской губернии, создававшиеся с конца XVIII по начало XX в. Суммированы историографические аспекты изучения и применения данного вида источников на краеведческом уровне за последнее десятилетие.

Ключевые слова и фразы: планы городов; картографический исторический источник; городоведение; урбанистика; провинциальный город в Российской империи; Тамбовская губерния.

Пирожкова Ирина Геннадьевна, к.и.н., к.ю.н.
Тамбовский государственный технический университет
0_1_23456789@list.ru

ПЛАНЫ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИСТОЧНИКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДОВ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Графические материалы являются важнейшими историческими источниками, востребованными как в теоретической историко-искусствоведческой практике при создании геоинформационных систем [16], так и в прикладном правовом, градостроительном, градоохранном деле, формирующем облик современных поселений. Исторические планы поселений также важны в краеведческо-педагогической работе при формировании представлений об облике родного города, общественных запросов по сохранению и формированию жилой среды [10].

Работа по созданию планов городских поселений на уровне общероссийской компании во второй половине XVIII в. активно изучалась советскими и российскими историками и архитекторами. Создана весьма обширная историография, хотя и не содержащая обобщающих трудов по планированию поселений как элемента государственной градостроительной политики. В основе этой историографии лежат зачастую краеведческие материалы и публикации, которые иногда являются прорывными в деле реконструкции исторического облика городов, атрибуции построек.

Пространственная, семантическая, хронологическая и иная информация, заложенная в планах городов, представляется ценнейшим источником, позволяет сделать выводы о факторах и динамике формирования городского поселения [9], о соотношении идеального представления и реального воплощения задумок, о характере нарушений градостроительных норм. Однако планы и карты и сами по себе являются самоценными объектами источниковедческого поиска в связи с их редкостью, ценностью и фактическим отсутствием государственного учета.

Известные нам карты и планы провинциальных городов, и в частности городов Тамбовской губернии, в рамках источниковедческого анализа можно разделить на несколько групп, неравнозначных с точки зрения исторической ценности, субъектов и целей создания.

1. Выделяются карты и планы, являющиеся частным творчеством, коммерческим продуктом, по сравнению с официальными источниками такого рода хуже сохранные. Применительно к провинциальным городам такие источники стали массово появляться на рубеже XIX – начала XX в. Качество их исполнения отличалось богатой полиграфией, публикации сопровождалась рекламными объявлениями, комментариями для пользователей об объектах инфраструктуры.

Относительно Тамбовских реалий таким источником служит широко известный в краеведческих кругах «план г. Тамбова и окрестностей», составленный в частном строительном бюро А. Ю. Кокневича в 1914 г. Он являлся источником градостроительного анализа многих ученых [4; 6; 9]. На основе данного источника с привлечением более ранних составлена геоинформационная система (ГИС), анализ которой показал, в частности, что провинциальный город Тамбов в промежутке между созданием картографических источников вышел за пределы первого плана 1781 г. на 20%, и главным фактором формирования его территории был пространственный фактор, а не социальный запрос [1].

2. Среди картографических материалов выделяется группа карт и планов, составленных с различными целями: статистическими, описательными, аналитическими, научными в рамках создания многочисленных «описаний», «экспедиций» разных уголков Российской империи.

Так, вероятно, к этой группе источников относится первый из известных планов г. Тамбова 1710-20-х гг., в краеведческой литературе представленный мало. Усилиями краеведов установлено, что он был составлен по описанию Тамбовской крепости XVII в., оригинал документа хранится в Российском государственном военно-историческом архиве [12].

К этой группе источников относятся карты Тамбовщины, помещенные в географический атлас середины XIX в. [2].

3. К третьей группе источников относятся наброски, черновики, рабочие рисунки специалистов, работавших в органах власти и управления, в частности, нами выявлено около двух десятков таких чертежей, которые сохранились в архивном фонде Тамбовской губернской чертежной – черновые рисунки (планы) землемера за 1838-1839 гг., к сожалению, они практически непригодны для чтения [3].

К этой же группе относятся и выкопировки с плана города, которые, согласно требованиям законодательства, прилагались к ходатайствам застройщиков о разрешении строительства и крупного ремонта их домовладений в последней трети XIX – начале XX в., они в значительном количестве сохранились в фонде Городской Управы. Их качество разнообразно: от непрофессиональных эскизов, выполненных самими застройщиками от руки, до копий фрагментов карт, охватывающих соседние с застраиваемыми домовладения.

Сохранился «план губернского города Тамбова», датируемый 1910-ми гг. Он был создан в процессе регистрации городских недвижимых имуществ, которая особенно активно осуществлялась городскими властями в 1911-1913 гг. С него была снята рабочая копия, упрощенная, в цвете, с нанесением оценочных районов города. Этот же план помещен в экспликацию большой «Карты Тамбовской губернии», которая сохранилась в нескольких экземплярах в Государственном архиве Тамбовской области (ГАТО). Именно этот план и его копия чаще всего тиражируются в местной краеведческой литературе.

4. Часть рассматриваемых источников относится к числу официальных и даже нормативных, однако при этом далеко не все они были систематизированы в качестве таковых как в тот период, покуда считались действующими нормативно-правовыми актами или приложениями к ним, так и сейчас. Данная группа источников наиболее доступна и часто воспроизводится.

Как и все исторические, а также действующие нормативные акты, на момент систематизации российского законодательства в конце XVIII – первой трети XIX в. планы и узаконения, упоминавшие их, были включены в Полный свод законов и Собрание законодательства Российской Империи, однако обновления картографических документов, которые производились весьма часто, никоим образом на уровне общероссийского учета законодательства не систематизировались. Механизм систематизации изменения планов городов, являвшихся согласно Строительному уставу обязательным городским документом, не то чтобы плохо срабатывал, его просто не имелось. В связи с этим точные данные о конкретном утвержденном плане как о законодательном акте у историков имеются в связи с его публикацией в официальном источнике. Применительно к Тамбову и городам Тамбовской губернии такая публикация была одна. В «Книге чертежей и рисунков» в 1839 г. были опубликованы действовавшие на тот момент планы городов Российской империи, составленные в основном в ходе компании по перепланировке городов в 1760-90-е гг. [15]. Официальный план г. Тамбова был составлен в 1781 г., сохранились как план Тамбова, так и планы городов Тамбовской губернии вместе с указами о их составлении, сведения о которых опубликованы ранее [7].

Нормативная основа статуса плана города содержалась в Строительном уставе и узаконениях, на которых он был основан. Городские планы подлежали высочайшей конфирмации. Наличие такого конфирмованного плана было обязательным, так как любой город, в соответствии со Строительным уставом, мог «строиться, не иначе как по плану, Высочайше утвержденному» [14]. Обеспечение этого условия строительства городов было обязанностью губернаторов, в сложных и спорных случаях в дело регулирования плановой городской застройки вмешивался генерал-губернатор. В Тамбовской губернии так было при отстройке после пожаров Кирсанова в 1804-1805 гг., Липецка в 1806 г., Борисоглебска в 1807 г. [7].